

— По правде говоря, госпожа провела в доме меньше месяца, обычно не покидает своих покоев, лишь изредка появляется на людях и всегда была доброжелательна. О каком-либо конфликте и речи быть не может. Просто, раз она новобрачная, господин, естественно, чаще остаётся у неё, вот наложница Цзян и ревнует.

— А что в итоге сделали с приданым?

— Времени было в обрез, свадьба послезавтра, вот господин и приказал всем служанкам и мастерицам в доме, умеющим держать иглу, идти в вышивальную мастерскую помогать. Работали день и ночь, перекраивали и перешивали подушки и одеяла.

— То есть вчера вечером все служанки и мастерицы были в мастерской?

— В доме Шэнь всего сто тридцать один человек. Помимо господина, его супруги, наложницы Цзян, молодого господина и молодой госпожи — этих пяти хозяев, — остальные сто двадцать шесть человек прислуга. Среди них восемьдесят два мужчины — в основном дворники, конюхи, подсобные рабочие, — ночью они в доме не остаются. Охранники тоже не заходят во внутренние женские покои, держатся снаружи.

Служанок и мастериц — сорок четыре человека. Трое из них в годах, глаза уже плохие, работать в мастерской могли только сорок одна. Но молодой госпоже и госпоже на ночь всё же нужна прислуга, вот и оставили при них Чунь Сюэ, Дун Мэй и Цю Лянь, что снадобья готовит. Остальные тридцать восемь человек отправились в мастерскую в западном флигеле и трудились до полуночи, пока не вернулись в свои комнаты отдыхать.

Дуань Минчэнь подумал, что этих тридцать восемь человек можно вычеркнуть из списка подозреваемых.

— А кто в доме любит выпить? — спросил он управляющего.

— Многие из чернорабочих не прочь пропустить рюмочку, — ответил тот. — Но господин строго-настрого запретил вино, так что они ни за что не осмелятся пронести его в дом.

— Если запрет соблюдают все без исключения, откуда тогда на кухне взялась эта бутылка? — усомнился Дуань Минчэнь.

— Позвольте, господин, — возразил управляющий, — вино на кухне — дело обычное. Для некоторых блюд оно нужно как приправа. Хотя у господина аллергия на хмельное, готовить с вином он не запрещает, просто сам такие кушанья не ест.

Дуань Минчэнь покачал головой.

— Обычно для готовки берут простое жёлтое вино. А это — пятидесятилетний «Белый цвет груши», редкостный сорт. Даже в таком богатом доме, как ваш, вряд ли стали бы использовать столь дорогое вино просто как приправу.

Управляющий замер, явно не ожидал, что вино окажется столь редким. Дуань Минчэнь показал ему изящную маленькую бутылочку с «Белым цветом груши».

Тот взял её, повертел в руках, внимательно разглядывая, и нахмурился.

— Виноват, господин, но эту бутылку я впервые вижу. Не ведаю, кто мог тайком пронести её в дом.

Дуань Минчэнь, наблюдая за его лицом, не нашёл в нём притворства, и убрал бутылку.

К тому времени, как беседа с управляющим закончилась, уже смеркалось. Пробыв весь день на ногах, Дуань Минчэнь почувствовал голод.

Управляющий, человек сообразительный, тут же предложил:

— Господин Дуань и господа из Гвардии в парчовых халатах весь день трудились над делом. Не побрезгуйте скромным ужином в доме Шэнь?

Дуань Минчэнь, хоть и был уверен, что убийца всё ещё где-то здесь, понимал: при такой оцеплении тот вряд ли решится на что-либо. Он принял предложение.

Распоряжаясь, чтобы слуги подали еду, управляющий не без тревоги спросил:

— Господин Гу ушёл и до сих пор не вернулся... Как вы полагаете...

Дуань Минчэнь, целиком поглощённый расследованием, почти забыл о Гу Хуайцине. Он махнул рукой:

— Господин Гу, наверное, уже вернулся во дворец. Ждать его не стоит.

Управляющий тревожно взглянул на Дуань Минчэня. Гу Хуайцин — человек влиятельный в Восточной Ограде, да ещё и в милости у императора. Уходя, он был явно вне себя. Вряд ли он на этом остановится. Но, видя спокойствие Дуань Минчэня, управляющий решил не настаивать и сделал, как тот велел.

Когда еду подали, десяток рослых, крепких гвардейцев уселись в ряд, уставившись на блюда голодными глазами.

Расследование — работа нелёгкая. С самого утра до вечера они не имели ни крошки во рту, и животы давали о себе знать.

Пусть братья уже готовы были наброситься на еду, Дуань Минчэнь сначала проверил всё серебряной иглой. Убедившись, что отравы нет, скомандовал:

— Есть!

Десяток пар палочек дружно задвигались, стремительно опустошая миски. Вскоре на столе остались лишь пустые блюда, а подливу вылили на рис и съели дочиста.

Повариха, разносившая еду, с сочувствием подумала: гляди-ка, в парчовых халатах ходят, грозные такие, а кормят их, видно, плохо. Бедняги, прямо как из тюрьмы на волю вырвались.

Дуань Минчэнь, закончив, отложил палочки и, заметив её взгляд, поднял голову и улыбнулся в знак благодарности.

Но женщина поняла его неправильно — решила, что он не наелся, — и поспешно положила ему в чашку ещё пампушку, да приложила варёную свиную ножку.

Гвардейцы, увидев это, не смогли сдержать усмешек.

Дуань Минчэнь слегка рассердился.

— Вы! Наелись — и за дело!

Толпа с хохотом разбежалась. Дуань Минчэнь уже собрался уходить, как вдруг за дверью послышались лёгкие, быстрые шаги.

В комнату уверенно вошёл Гу Хуайцин, плюхнулся напротив Дуань Минчэня, окинул взглядом опустошённый стол, отнял у того чашку и принялся есть.

Дуань Минчэнь опешил. Возвращение Гу Хуайцина стало для него неожиданностью. Он думал, тот, обидевшись, бросит это дело, — чего Дуань Минчэнь, собственно, и добивался.

Но Гу Хуайцин не только вернулся, но и, кажется, успокоился. Такая способность смирить гордыню заставила Дуань Минчэня взглянуть на него иначе.

Он незаметно изучал его. Гу Хуайцин выглядел не так, как утром. Волосы, видимо, были вымыты, на чуть влажных кончиках играл свет. Длинные чёрные пряди не были убраны в пучок, а просто заколоты сандаловой шпилькой на затылке. Иссиня-чёрные волосы оттеняли белизну кожи — зрелище было поистине прекрасным, «красота, что насыщает взор», как говорят.

Гу Хуайцин позволил ему разглядывать себя, не говоря ни слова, сосредоточенно доедал пампушку, потом принялся за свиную ножку. Ел он быстро, но изящно — даже обгладывая кость, не выглядел грубым.

Насытившись, Гу Хуайцин поднял глаза на Дуань Минчэня и пальцем указал на чайник рядом с ним, давая понять, чтобы тот налил ему чаю.

Дуань Минчэнь, желая узнать, что тот задумал, послушно налил.

Гу Хуайцин, утолив голод и жажду, вытер рот платком, откашлялся и наконец заговорил:

— Эй, мне нужно с тобой поговорить.

Дуань Минчэнь слегка улыбнулся и сделал вид, что весь внимание.

А тем временем Гу Хуайцин, разгневанный словами Дуань Минчэня, в ярости покинул дом Шэнь и поскакал прочь, что есть мочи.

Подчинённые из Восточной Ограды попытались было последовать за ним, но их кони не могли угнаться за его скакуном, и вскоре они отстали.

Гу Хуайцин гнал коня, и в ушах у него лишь свистел ветер. Был конец зимы, начало весны, и холодный ветер, хлеставший в лицо, обжигал кожу, но зато охлаждал пыл.

С тех пор как Гу Хуайцин попал в Восточную Ограду, пользуясь милостью императора и покровительством своего приёмного отца, начальника Ограды, он, молодой, но облечённый властью, вёл себя дерзко и самоуверенно. Он привык к льстецам, привык к чиновникам, что в душе презирают евнухов, но внешне выказывают почтение. Но с таким полным, ледяным пренебрежением, как у Дуань Минчэня, он столкнулся впервые.

Отношение Дуань Минчэня было холодным с самой первой встречи. Гу Хуайцин сразу понял: тот его невзлюбил и работать вместе не хочет.

В груди у Гу Хуайцина закипела обида. Ему хотелось доказать свою значимость, изменить это мнение, и потому в расследовании он старался быть первым, проявлял чрезмерную активность, порой перехватывая инициативу, — чем лишь сильнее раздражал Дуань Минчэня.

Гу Хуайцин, хоть и был молод и горяч, отнюдь не глуп. Напротив, он отличался проницательностью — иначе не выжил бы в коварных дворцовых интригах. Холодный ветер прояснил его мысли, и он осознал свою ошибку.

<http://bllate.org/book/16283/1466659>